10. RGIA, f. 65, op. 1, d. 233.
11. RGIA, f. 629, op. 1, d. 1172.
12. RGIA, f. 629, op. 1, d. 1369.
13. RGIA, f. 629, op. 2, d. 261.
14. RGIA, f. 629, op. 2, d. 262.
15. RGIA, f. 629, op. 2, d. 263.
16. RGIA, f. 629, op. 2, d. 264.
17. Russkie aktsionernye kommercheskie banki po otchetam za 1915 god s sootvetstvujuwimi dannymi za 1914 god. Pg.: Izdanie Komiteta sjezdov predstavitelej aktsionernyh kommercheskih bankov, 1916. 55 s.
18. Spisok fabrik i zavodov Rossijskoj Imperii/ pod red. V. E. Varzara. SPb.: Tipografija Kirshbauma, 1912. 720 s.
19. Statistika prjamyh nalogov i poshlin. Gos. promysl. nalog. Osnovnoj nalog s otchetnyh i neotchetnyh predprijatij i dopolnitel'nyj nalog s neotchetnyh predprijatij za 1912 g. Pg.: tip. P. P. Sojkina, 1915. 576 s.
20. Ustav Russko-Anglijskogo banka. Pg.: Tipografija Petrogradskogo tovarishchestva pechatnogo i izdatel'skogo dela «Trud», 1915. 52 s.

Е. А. Вересова

ПОДЖОГИ КАК ОДНА ИЗ ФОРМ КРЕСТЬЯНСКОГО ПРОТЕСТА В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (по материалам Тверской губернии)

Рассматриваются источники о привлечении крестьян к ответственности за совершение поджогов в имениях помещиков, в казенных и удельных лесах в Тверской губернии в 1881–1904 гг. Исследуются мотивировка поведения обвиняемых крестьян, а также отношение властей к таким действиям.

Ключевые слова: поджоги в имениях помещиков, в казенных и удельных лесах, тверские крестьяне, протестные настроения, реакция властей.

E. Veresova

THE ARSONS AS A FORM OF PEASANT PROTEST IN THE END OF THE 19th — BEGINNING OF THE 20th CENTURIES (Based on Materials of Tver Province)

This article examines the sources giving evidence of holding peasants responsible for committing arsons in the estates of landowners, state and specific forests in Tver Province in 1881–1904s. The motivation of the accused peasants behavior and the attitude of the government towards those actions are investigated.

Keywords: arsons in the estates of landowners, state and specific forests; Tver peasants; protest attitudes; the reaction of the government.

История крестьянства остается актуальной темой отечественной историографии. Среди исследователей возрастает интерес к крестьянскому протесту. Изучение действий крестьян по защите своих интересов поможет лучше понять особенности политики самодержавия и причины революций 1905–1907 и 1917 гг.

Одной из форм сопротивления крестьянства являлись поджоги в имениях поме-

щиков, казенных и удельных лесах. Поджоги как форма крестьянского протеста рассмотрены в работах ряда исследователей [1; 2; 12; 14]. Вместе с тем вопрос о распространении таких протестных настроений среди крестьянского населения Тверской губернии в 1881–1904 гг. не являлся предметом самостоятельного исследования.

Важным источником для изучения подобных действий является документация по обвинению крестьян в совершении поджогов. В Государственном архиве Тверской области (далее — ГАТО) источники по обвинению крестьян в этих преступлениях содержатся в фонде прокурора ржевского окружного суда и в фондах судебных следователей. По хронологии материалы фондов дополняют друг друга. В фонде прокурора ржевского окружного суда содержатся дела с 1881 по 1888 г., а в фондах судебных следователей — с 1884 по 1904 г. Отметим, что в изученных фондах нет дел о поджогах за 1886 г., а в фондах судебных следователей — за 1887, 1888 и 1891 гг.

Обвиняемые в совершении поджогов привлекались к ответственности по 1606, 1609, 1610, 1611, 1613, 1615 статьям Уложения о наказаниях [17, с. 919–929]. За умышленный поджог жилого здания виновные подвергались лишению всех прав состояния и ссылке на каторжные работы сроком от 8 до 10 лет. За поджог с умыслом нежилого строения виновные лишались прав и преимуществ и направлялись в исправительные арестантские отделения на 5–6 лет.

Покушение на поджигательство наказывалось лишением всех прав и преимуществ и направлением в исправительные арестантские отделения сроком от 3 до 3,5 лет. Если поджигатель раскаялся и пожар был потушен им самим или призванными им на помощь людьми, он наказывался лишением всех прав и преимуществ и тюремным заключением от 8 месяцев до одного года. Приготовление к совершению поджога наказывалось лишением всех прав и преимуществ и направлением в исправительные арестантские отделения на срок от одного года до 2,5 лет.

За умышленный поджог леса виновные наказывались лишением прав и преимуществ и направлением в исправительные арестантские отделения на 5–6 лет. За умышленный поджог имущества, потеря которого не грозила владельцу значительными убытками, виновные подвергались тюремному заключению на 4–8 месяцев, либо аресту от 7 дней до 3 месяцев, или денежному взысканию не более 100 руб.

В делах, как правило, содержится акт полицейского урядника об осмотре места пожара. Осмотр проводился в присутствии понятых, лесных сторожей, владельцев имений. В акте фиксировался масштаб пожара, нанесенный убыток, местонахождение сгоревших строений относительно дорог и иных построек. В источниках также содержатся протоколы проводимого приставом дознания, допросов свидетелей, обвиняемых, копия постановления окружного суда. Инициативные документы в делах не содержатся, но информация о них проходит в дознаниях, проводимых чинами полиции. О поджогах заявляли владельцы имений, управляющие, сторожа, лесничие. Дела о поджогах рассматривались в окружных судах.

В ГАТО за период 1881–1904 гг. выявлено 72 дела о поджогах. Наибольшее их количество приходится на 1882 и 1889 гг. — по 6 дел, 1884 г. — 8 дел, 1904 г. — 5 дел. Большинство поджогов было совершено в Осташковском уезде — 18, что составляет 25% всех дел, в Вышневолоцком — 12, или 16,5%, в Ржевском уезде — 17, или 23,5%. Значительное их число выявлено в Тверском и Старицком уездах — 11% и 10%. Наименьшее количество таких случаев приходится на Зубцовский и Новоторжский уезды — 7% и 5%. Не указано место

поджога в 1,5% дел. В Весьегонском, Калязинском, Корчевском, Кашинском, Бежецком уездах источники по таким преступлениям не выявлены.

В больших по площади лесных Осташковском и Вышневолоцком уездах преобладало крупное землевладение, значительная часть земель принадлежала частным владельцам, также в Осташковском и Ржевском уездах преобладало дворянское землевладение [15, с. 43, 48], что отчасти может объяснить высокое число поджогов. В Калязинском и Кашинском уездах, напротив, более половины земель находилась в собственности крестьянских общин — 66%. В Бежецком уезде крестьянское землевладение почти вдвое превышало владения других частных собственников, а в Весьегонском уезде доля крестьянских надельных земель не превышала 45% [16, с. 6]. В Корчевском и Бежецком уездах преобладало мелкое личное землевладение. Однако в Зубцовском уезде, где дворянское землевладение тоже было значительным, выявлено небольшое число поджогов — 7%, а в Тверском уезде, где оно было наименьшим по губернии, количество таких случаев было больше.

Малоземелье не являлось причиной совершения крестьянами поджогов. Наиболее часто они случались в уездах со значительными крестьянскими наделами — Осташковском и Вышневолоцком. В Ржевском уезде крестьянский надел был чуть ниже среднего, в Тверском и Старицком — выше среднего. Напротив, случаев поджогов не выявлено в уездах с наименьшими крестьянскими наделами — Кашинском, Калязинском и Весьегонском уездах, в которых с середины 1880-х гг. по 1905 г. произошло значительное сокращение крестьянского надела, как и в Бежецком уезде, где надел был ниже среднего. Однако такая зависимость не является четкой. Например, в Корчевском уезде, в котором крестьянский надел был выше среднего по губернии, фактов совершения поджогов не выявлено [13, с. 38; 15, с. 10].

Наибольшее число поджогов совершалось в имениях и лесных дачах помещиков — 94,5% возгораний, в удельных и казенных лесных дачах — 5,5%.

В ряде случаев по одному делу проходили несколько обвиняемых крестьян. Общее их количество в изученных делах составило 71 человек. Не выявлено подозреваемых в совершении поджогов в 22 случаях, что составляет 30,5% от общего количества изученных дел.

Возраст указан у 15 обвиняемых, что составляет 21% от их числа. Чаще преступления совершались людьми в возрастной категории от 21 года до 50 лет — 9 человек, или 60% от числа обвиняемых, возраст которых указан. В возрасте 20 лет и моложе в поджогах подозревались 4 крестьянина, или 26,5%, а старше 50 лет — 2 человека, или 13,5%. Довольно высокий процент среди обвиняемых людей молодого возраста, возможно, вызван их большей импульсивностью по сравнению с людьми зрелыми, которые были более сдержанны.

Род занятий указан у 31 обвиняемого, что составляет 43,5% от их числа. Основным занятием большинства из них являлось хлебопашество — 35,5%; служащие в имениях помещиков составили 29%; промысловой, в том числе торговой деятельностью занимались 19,5%; безземельными являлись 6,5%, бывшими военными — 3%; не имели собственного хозяйства (жили в домах родителей) 6,5%. Таким образом, данный вид преступлений был более характерен для крестьян, занимавшихся сельским хозяйством, а также для служащих в имениях помещиков.

Обвиняемые в поджогах крестьяне не признавали себя виновными, либо объясняя, что в момент поджога находились в других местах, либо просто отрицали вину. Отметим, что в 86,5% изученных дел следствие было прекращено по причине необ-

наружения виновных или за недостаточностью улик против обвиняемых; причина возгорания не установлена в 5,5% случаев; в 8% дел итог следствия не указан. Таким образом, в изученных источниках нет случаев доказательства виновности крестьян и привлечения их к ответственности.

Однако поджоги в имениях помещиков, в казенных и удельных лесах можно рассматривать как форму крестьянского протеста, поскольку в качестве подозреваемых в делах фигурировали именно крестьяне, а владельцы имений часто обвиняли крестьян соседних деревень, с которыми были в ссоре.

Убытки, нанесенные пожарами, были довольно существенными и составляли от 130 до 10000 руб., однако из изученных источников видно, что в ряде случаев постройки и (или) хранящийся в них урожай были застрахованы, что позволяло владельцам получить некоторую компенсацию.

Пожары происходили ночью или ранним утром, поэтому обнаружить виновных на месте преступления не удавалось, а улики находили редко и доказать их принадлежность подозреваемым крестьянам было сложно.

Помещики, управляющие имениями, лесные сторожа, заявляя в полицию о поджогах, ссылались на дальность места пожара от дорог, что исключало возможность самовозгорания; нахождение у места пожара сухой соломы, хвороста, бересты, служивших материалом для поджигателей; обнаружение на месте возгорания спичек, а также следов возможных виновников; начало пожара одновременно в нескольких местах.

В ряде случаев владельцы имений причиной пожара считали поджог, но не могли назвать виновных. Например, жена коллежского асессора Татьяна Федоровна Алфёрова заявила судебному следователю Зубцовского уезда о поджоге дома в ее имении «Отрадное», произошедшем 28 декабря 1892 г. около 11 часов ночи. На месте пожара были найдены следы двух человек, а начался он с черного крыльца, где не топились печи и никто не ходил. Огонь увидела в окно работница имения. Подозрения в поджоге ни на кого не были заявлены. Дело прекращено «за необнаружением виновных» [7].

Заявляя в полицию о поджогах, потерпевшие обычно указывали, что данные преступления совершались крестьянами из мести — 45 случаев, что составляет 62,5% от изученных источников.

Так, 17 октября 1884 г. в 3 часа утра произошел пожар в усадьбе землевладельца Авраама Константиновича Палицина, расположенной в Климовской волости Новоторжского уезда. Работник усадьбы Емельян Терентьев первым заметил пожар и объяснил, что сначала загорелся навес с клевером, а затем огонь перекинулся на другие постройки. Убыток составил 5000 руб. В заявлении полицейскому уряднику помещик сообщал, что поджог усадьбы умышленно сделан крестьянами деревни Рамушки, поскольку он вел с ними судебное дело о потраве скотом его поля. Крестьяне ранее осуждались за потравы и возместили Палицину около 400 руб. Дело было прекращено за необнаружением виновных [8].

Вышневолоцкий землевладелец Петр Кононович, у которого сгорели два сарая с соломой и мякиной, представил полицейскому уряднику «…целую коллекцию врагов и тех, кого подозревает», и отмечал, что у него плохие отношения с крестьянами, поскольку он неоднократно привлекал их к ответственности за порубки леса [4, л. 35].

Другой мотивацией к совершению поджогов являлось желание крестьян улучшить свое материальное положение — 5 дел, или 7%.

В 1889 г. в лесных дачах Натальи Викторовны Лендграф, расположенных в Вышневолоцком уезде Кузнецовской волости, произошли лесные пожары. К горевшим лесным участкам дороги не прилегали, на основании чего было заявлено

о поджоге, который могли совершить крестьяне близлежащих деревень, чтобы после пожарищ леса сдавались им под пашню. Лесник показал, что в лесу заметил кучу хвороста, как бы нарочно сложенную. Дело было прекращено за необнаружением виновных [5].

Пристав Осташковского уезда в донесении отмечал, что крестьянам выгодны лесные пожары вблизи деревень, так как их приглашали вывозить горелый лес за хорошую плату [10, л. 2]. В 1889 г. в двух удельных лесных дачах Осташковского уезда произошли лесные пожары. Обе дачи горели одновременно, хотя находились в 1,5 верстах друг от друга. Убыток составил 4500 руб. Лесной смотритель Иван Буров показал, что пожар произошел от умышленного поджога. В поджоге подозревались крестьяне Осташковского уезда Давыдовской волости Сергей Васильев (лесопромышленник) и Василий Никонов. Несколько крестьян показали, что слышали, как Сергей Васильев говорил, что удельных дач выгорело много и нужно бы зажечь казенную лесную дачу, и он угостит водкой того, кто подожжет хорошее место. Крестьянин Василий Никонов ответил, что знает, где нужно поджечь. Возможно, Василий Никонов был подкуплен Васильевым, но на месте пожара их никто не видел. Свидетели также показали, что Сергей Васильев ранее уже покупал горелый лес в удельных дачах. Обвиняемые крестьяне не признали вину. Дело было прекращено за недоказанностью обвинения [10].

В ряде источников содержится указание на возможность умышленных поджогов по указанию владельцев имений с целью получения страховки — 3 дела, что составляет 4%. В таких делах владельцы имений и управляющие старались указать возможного виновника поджога.

Например, 19 марта 1902 г. в 10 часов вечера в сельце Ищино сгорел нежилой дом старицкого землевладельца Г. Закрежевского. Убыток составил 500 руб. Управляющая имением Мария Петрова заявила, что подозревает в поджоге крестьянина Ржевского уезда Масловской волости деревни Шимарово Николая Шорника, который за несколько дней до пожара ругался с ней, желая получить 3 руб. Обвиняемый Николай Шорник виновным себя не признал и объяснил, что 19 марта ночевал у крестьянина Арсения Полякова. Когда увидел пожар, разбудил Полякова и вместе с ним пошел к месту пожара. Крестьянин Андрей Петров показал, что видел Николая Шорника и Арсения Полякова, идущих вместе на пожар. Однако среди крестьян ходили слухи, что пожар произошел от умышленного поджога, сделанного рабочими по приказанию Марии Петровой, поскольку Г. Закрежевский нуждался в деньгах и рассчитывал на получение страховки. Итог следствия в деле не указан [11].

В ряде источников не содержится четкой мотивации совершения поджогов — 19 дел, или 26,5%.

Так, 22 апреля 1892 г. около 10 часов вечера в имении зубцовского землевладельца Александра Николаевича Тулубьева произошел пожар, который начался с верхнего угла сарая. По словам кучера и рабочего имения, у горевшего сарая пахло керосином. Подозрений в поджоге ни на кого не было заявлено. Владелец имения показал, что с крестьянами живет в согласии и судебных дел не ведет, прислуга хорошая и служит давно. Пожары случались и ранее, но причины неизвестны. Дело производством прекращено [6].

Основанием для обвинения в совершении поджога могли стать показания свидетелей об услышанных ими угрозах или просто нахождение рядом с местом пожара — 12 случаев, или 16,5% от общего числа дел.

В 1904 г. дворянин Иван Петрович Щукин заявил о поджоге леса в имении «Смердово» Никольской волости Новоторжского уезда. Причиной пожара могло стать неосторожное обращение с огнем. Лесные сторожа сообщили, что в день по-

жара по дороге недалеко от места, где загорелось, проезжали крестьянин Никольской волости деревни Смердово Терентий Демидов и его сын Ефим. По мнению Щукина, лес мог зажечь умышленно сын Терентия Демидова Ефим. Обвиняемые крестьяне не признали себя виновными и пояснили, что, когда проезжали по лесу, пожара не было, по дороге не курили. Дело было прекращено за необнаружением виновных [9].

Управляющий Михаил Ветликов заявил о пожаре, произошедшем в ночь на 14 декабря 1887 г. в имении старицкого землевладельца Петра Львовича Чабышева. В поджоге подозревался бывший работник имения крестьянин Тверского уезда Воскресенской волости деревни Садиково Никита Васильев, который при свидетелях угрожал поджогом, если ему откажут от места. Служащий Михаил Иванов подтвердил, что слышал эту угрозу. Сгоревший сарай находился вдали от жилых построек, рабочие туда не ходили, поэтому он не мог сгореть от неосторожного обращения с огнем. Дело было прекращено за необнаружением виновных [3].

Таким образом, поджоги в имениях помещиков, в казенных, удельных лесах можно рассматривать не только как преступления, но и как форму выражения крестьянами недовольства действиями землевладельцев, в том числе месть, а также извлечение возможной выгоды от пожаров. Чаще в таких преступлениях подозревались «патриархальные» крестьяне и служащие в имениях помещиков.

В целом поджоги чаще совершались в юго-западной и северо-западной частях губернии — в Ржевском, Осташковском и Вышневолоцком уездах, а также на юго-востоке — в Тверском и Старицком уездах. Не выявлено таких случаев в северном Весьегонском, центральном Бежецком уездах, в восточных Кашинском, Корчевском, Калязинском уездах.

Пожары чаще происходили в уездах с преобладанием дворянского землевладения — в Ржевском и Осташковском, а также в Вышневолоцком уезде, где преобладало крупное землевладение. Однако такая зависимость не является четкой. Наибольшее число поджогов было совершено в имениях и лесных дачах помещиков, что может объяснить факт их распространения в уездах с большой лесной площадью — в Осташковском и Вышневолоцком. Малоземелье крестьян не являлось причиной совершения ими поджогов.

Обвиняемые в поджогах крестьяне не признавали себя виновными. Такая форма протеста была для них довольно безопасной, поскольку в источниках нет случаев привлечения подозреваемых крестьян к ответственности. Лесные сторожа, владельцы и рабочие имений не видели поджигателей, так как поджоги обычно совершались в темное время суток, а улики находили редко.

Вместе с тем изученные материалы говорят, что такие преступления совершались именно крестьянами. Более половины из числа потерпевших — 62,5% — полагали, что поджоги в их имениях совершались крестьянами из мести; желание крестьян получить выгоду от пожаров могло стать причиной 7% поджогов, умышленные поджоги с целью получения страховки составили 4%; не ясны мотивы совершения преступлений в 26,5% изученных дел.

Поджоги в имениях помещиков, в казенных и удельных лесах наносили существенные убытки землевладельцам и казне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградов В. А.* Крестьянское движение на Верхней Волге в пореформенный период: историография и источники: Учебное пособие. Калинин: Калининский гос. ун-т, 1983. 87 с.

2. *Воскресенская Н. С.* Крестьянское движение в Тверской губернии в годы первой революции в России (1905–1907). Калинин: Калининский гос. ун-т., 1980. 82 с.

3. ГАТО. Ф. 525. Оп. 1. Д. 341.
4. ГАТО. Ф. 613. Оп. 1. Д. 24.
5. ГАТО. Ф. 614. Оп. 1. Д. 22.
6. ГАТО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 4.
7. ГАТО. Ф. 616. Оп. 1. Д. 6.
8. ГАТО. Ф. 623. Оп. 1. Д. 9.
9. ГАТО. Ф. 624. Оп. 1. Д. 38.
10. ГАТО. Ф. 627. Оп. 1. Д. 1.
11. ГАТО. Ф. 632. Оп. 1. Д. 24.
12. Россия в революционной ситуации на рубеже 1870–1880-х годов / Отв. ред. Б. С. Итенберг [и др.]. М.: Наука, 1983. 557 с.
13. Сводный сборник статистических сведений по Тверской губернии. Тверь: Типография Тверского губернского земства, 1897. Т. XIII. Вып. 1. 303 с.
14. *Скотт Дж.* Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 26–59.
15. Статистика землевладения 1905 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1906. Вып. 35. Тверская губерния. 57 с.
16. Статистика Российской Империи. XXII. Главные данные поземельной статистики по обследованию 1887 г. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел. Типография «В. Безобразов и К°», 1893. Вып. 43. Тверская губерния. 36 с.
17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Н. С. Таганцев. 15-е изд., доп. СПб.: Типография М. Меркушева, 1910. 1313 с.

REFERENCES

1. *Vinogradov V. A.* Krest'janskoe dvizhenie na Verhnej Volge v poreformennyj period: istoriografija i istochniki: Uchebnoe posobie. Kalinin: Kalininskij gos. un-t, 1983. 87 s.
2. *Voskresenskaja N. S.* Krest'janskoe dvizhenie v Tverskoj gubernii v gody pervoj revoljutsii v Rossii (1905–1907). Kalinin: Kalininskij gos. un-t, 1980. 82 s.
3. GATO. F. 525. Op. 1. D. 341.
4. GATO. F. 613. Op. 1. D. 24.
5. GATO. F. 614. Op. 1. D. 22.
6. GATO. F. 616. Op. 1. D. 4.
7. GATO. F. 616. Op. 1. D. 6.
8. GATO. F. 623. Op. 1. D. 9.
9. GATO. F. 624. Op. 1. D. 38.
10. GATO. F. 627. Op. 1. D. 1.
11. GATO. F. 632. Op. 1. D. 24.
12. Rossija v revoljutsionnoj situatsii na rubezhe 1870–1880-h godov / Otv. red. B. S. Itenberg [i dr.]. M.: Nauka, 1983. 557 s.
13. Svodnyj sbornik statisticheskih svedenij po Tverskoj gubernii. Tver': Tipografija Tverskogo gubernskogo zemstva, 1897. T. XIII. Vyp. 1. 303 s.
14. *Skott Dzh.* Oruzhie slabyh: obydennye formy soprotivlenija krest'jan // Krest'janovedenie. Teorija. Istorija. Sovremennost'. M.: Aspekt Press, 1996. S. 26–59.
15. Statistika zemlevladenija 1905 g. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del, 1906. Vyp. 35. Tverskaja gubernija. 57 s.
16. Statistika Rossijskoj Imperii. XXII. Glavnye dannye pozemel'noj statistiki po obsledovaniju 1887 g. SPb.: Izdanie Tsentral'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del. Tipografija «V. Bezobrazov i K°», 1893. Vyp. 43. Tverskaja gubernija. 36 s.
17. Ulozhenie o nakazanijah ugolovnyh i ispravitel'nyh 1885 g. / N. S. Tagantsev. 15-e izd., dop. SPb.: Tipografija M. Merkusheva, 1910. 1313 s.